

Из книги «Наедине с собой»

Середина 80-х годов - самый напряженный период холодной войны. **После ввода советских войск в Афганистан ситуация в мире была накалена до предела.** Надо было что-то делать. А высшие руководители США и СССР не встречались шесть лет. Я был того мнения, что жизнь требует встречных шагов, возобновления диалога между руководителями двух государств. Сохранение сложившейся ситуации еще больше усугубляло обстановку. Нужна была **встреча.**

Такая встреча состоялась в конце 1985 года в Женеве. Весь мир связывал с ней большие ожидания. Для освещения «саммита» съехались 3500 журналистов. Мы готовились основательно. Координатором подготовки выступал МИД под началом нового министра иностранных дел Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе. Были выработаны проекты директив для этой встречи.

Кстати, наверное, неизвестно, что такие директивы разрабатывались в комиссиях, группами сотрудников Министерства иностранных дел, Министерства обороны, Комитета госбезопасности. А если это были вопросы, связанные с экономическими проблемами, то подключался и Госплан, крупные специалисты, эксперты. А в дальнейшем действовала специальная комиссия под руководством члена Политбюро Л.Н. Зайкова. По завершении подготовительной работы проекты директив докладывались на Политбюро.

Я специально об этом говорю подробно, так как существует очень много домыслов о том, как принимались решения. Последней инстанцией, которая одобряла или отклоняла те или иные предложения и давала новые поручения, было Политбюро. На Политбюро докладывались и основные предложения, и критические замечания к проекту.

Переговоры и другие встречи в Женеве в общей сложности заняли около 15 часов. Пять или шесть встреч мы провели с Рейганом один на один, и каждый раз с нарушением «графика».

Первая встреча проходила в резиденции Рейгана. Он встретил меня на подходе к особняку. Мы поздоровались. Если смотреть со стороны, то казалось, что мы в хорошем расположении духа. Больше того, как будто встретились двое старых знакомых, друзей.

Но когда мы покинули свои делегации и уединились с переводчиками, то после нескольких слов взаимного приветствия атмосфера начала быстро меняться. Мы оба, споря, с жаром возлагали друг на друга ответственность за гонку вооружений, поставившую мир на грань ядерного конфликта.

Рейган долго говорил о нашем вмешательстве в дела «третьего мира», что это, мол, и создает напряженность между Вашингтоном и Москвой. Мой ответ сводился к тому, что у нас нет планов «экспорта революции». Мы, как и США, действуем в зоне своих жизненных интересов, поддерживаем своих друзей.

Помню, как после этой первой встречи меня окружили члены советской делегации. Их интересовало мое впечатление о Рейгане, которого не только у нас, но и в мире называли не иначе, как «ястребом». Я тогда сказал, что **Рейган - человек крайне консервативных убеждений, но этого мало – это настоящий «динозавр».**

Спустя некоторое время из журнала «Ньюсуик» я узнал, что подобный же интерес проявило к моей персоне окружение Рейгана. И Рейган тогда сказал, по крайней мере так было написано в «Ньюсуик», что **Горбачев - это «твердолобый большевик».**

Но постепенно температура в наших дискуссиях на встрече снижалась. В одном случае я заявил Рейгану, что **мы не собираемся оставаться в Афганистане** и выступаем за политическое решение афганского конфликта.

А в другом - сказал президенту, что **мы не собираемся воевать с Соединенными Штатами Америки.**

В первый же день после обеда мы говорили о контроле над вооружениями. И мой партнер просто бросался в бой. Он решительно раскритиковал «доктрину сдерживания», которая привела к гонке вооружений. Затем он стал убеждать меня в необходимости сокращения наступательных вооружений и перехода к оборонительным системам. Этим он подводил к утверждению, что СОИ* – «лучший путь», и Советский Союз не должен этого бояться.

Много чего он говорил, чтобы расположить меня в пользу СОИ и убедить, что это сугубо оборонительная система. Мой ответ был решительный: **СОИ – не что иное, как попытка перенести гонку вооружений в Космос.** «Заверения» на сей счет со стороны президента не могут ввести нас в заблуждение. **Я говорил, что если американцы не воспримут наши аргументы относительно СОИ, нам не останется ничего другого, как дать ответ.**

Много прошло времени после этой нашей встречи и разговора с Рейганом. Сейчас я вновь ответственно заявляю: мое предупреждение, что мы дадим ответ на СОИ Рейгана, не было блефом. Была соответствующая программа, которая имела свой шифр.

Поскольку я вижу, что США нам не верят, сказал я тогда Рейгану, то возникает вопрос: почему мы должны верить Соединенным Штатам больше, чем они нам? **Похоже, мы зашли в тупик,** – заключил я, и наступило тягостное молчание.

- Почему бы нам не пройти? – спросил тогда президент Рейган.

Он пригласил меня в домик во дворе виллы, где проходили переговоры. Началась «беседа у камина». Между прочим, некоторые из моих

---

* СОИ – «Стратегическая оборонная инициатива» Р.Рейгана, известная также как программа «звездных войн», предусматривала создание американской глобальной защиты от ракетно-ядерного удара, провоцируя тем самым усиление ракетно-ядерной гонки. Фактически это был шантаж, так как технических возможностей для создания такой системы у США не было.

партнеров, с которыми я встречался в годы перестройки, пытались на этот же манер приглашать меня на беседу у камина. Так что это тоже была заготовка. Как только мы опустились в кресла, Рейган достал из кармана листок и передал мне. Там были предложения о контроле над вооружениями из девяти пунктов. Написаны по-русски.

Я прочитал и сказал, что даже при первом чтении бросаются в глаза неприемлемые для нас вещи. И прежде всего принятие такого «пакета» позволило бы Соединенным Штатам продолжать осуществление программы СОИ.

Разговор иссяк. В гостиной было тепло и уютно. Полыхал огонь в камине, но настроения эта беседа не улучшила. Мы вышли и вернулись в основной дом. **По пути Рейган пригласил меня посетить Соединенные Штаты. Я сразу ответил ему приглашением приехать в Советский Союз. Приглашения были приняты. Лед тронулся...**

Медленно, с трудом что-то возникало обнадеживающее в этих острых дискуссиях у нас с президентом США, да и среди членов делегаций. В тот же день Рейган вдруг обратился ко мне с вопросом:

- А как бы вы оценили предложение Соединенных Штатов о взаимодействии в случае угрозы обеим нашим странам из Космоса?

Я ответил:

- Мы бы приняли ваше предложение. Надеюсь, что и ваша страна поступила бы так же.

- Да, конечно, - сказал Рейган.

В центре дискуссии на следующий день оказалась тема о правах человека – любимая тема Рейгана: мол, Советский Союз, если хочет улучшить отношения с Америкой, должен поправить свою репутацию в сфере свободы личности. Я изложил свои взгляды на эту очень важную проблему. Но при этом подчеркнул: **Соединенные Штаты не должны навязывать свои стандарты другим. Каждый народ вправе делать свой выбор.**

Вечером того же дня мы оказались в доме, арендованном для четы Рейганов, нас пригласили к столу. Эксперты продолжали работать над проектом заключительного коммюнике. Уверенности насчет того, что этот документ будет подготовлен и принят, не было. Американцы использовали этот момент, считая, что мы больше, чем они, заинтересованы в подписании итогового документа.

Когда делегации собрались пить кофе, Шульц, Корниенко и Бессмертных пришли, чтобы доложить, как у них идет работа над итоговым документом. Шульц – обычно спокойный, уравновешенный и рассудительный человек – вдруг резко стал возражать Корниенко, докладывавшему о ходе их работы. А тот в свою очередь на повышенных тонах начал отвечать ему. Корниенко стоял за моей спиной. В какой-то момент он устремился на Шульца, готовый, как ракета, вонзиться в него. Повернувшись, я увидел перед моим носом красное лицо первого заместителя нашего министра иностранных дел. Это был далеко не дипломатичный обмен мнениями.

И Шульц обратился ко мне:

- Господин Генеральный секретарь, вот так у нас и идет работа. Разве мы так достигнем чего-то?!

Президент Рейган предложил:

- Давайте ударим кулаком по столу.

Я:

- Давайте ударим.

И ударили кулаками. Правда, не по столу, а по крышке черного пианино. И разошлись. Я пригласил своих коллег и спрашиваю:

– В чем дело?

Судя по тону выступления Корниенко и его поведению можно было подумать, что речь идет о коренных разногласиях. Но вот докладывает Бессмертных, и, оказывается, все сводится к спору об отдельных словах. «Проблему» сняли.

- Что еще? – спрашиваю.

Возникли расхождения по вопросу возобновления полетов Аэрофлота в США: Министерство гражданской авиации СССР имеет какие-то возражения. Я связываюсь по телефону с министром Бугаевым. Он говорит:

- Все идет хорошо, есть кое-какие несущественные вопросы, и мы их снимем.

- Еще что?

- Ничего.

За 15 минут мы преодолели «непреодолимые» преграды.

Таков был стиль нашей дипломатии, - во всяком случае, некоторых лиц из числа руководства МИДа, - для которой главное - демонстрировать непреклонность, даже если она не продиктована ни политическими, ни практическими соображениями.

Мой стиль – наращивать диалог, используя возможности для компромисса, - некоторые из моих коллег рассматривали как слабость... сдачу позиций.

На следующее утро состоялась заключительная процедура подписания. Флаги СССР и США. Присутствуют представители прессы. Мы с президентом поднялись на возвышение. Подписываем заявление, поистине историческое, – **в нем констатируется, что «ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей».** Значит, бессмысленной становится гонка ядерных вооружений. Необходимо избавление от ядерных запасов.

Далее не менее интересное и важное: **«Стороны не будут стремиться к военному превосходству».** В документе также выражались взаимные намерения по обменам в гуманитарной сфере и особенно что касается **контактов между молодежью двух стран и т.д.**

Рейган и я произнесли речи. Итак, **событие** все-таки состоялось, и оно оказалось значительным. На встрече было заявлено стремление сторон **к**

безъядерному миру. Все почувствовали, что первый шаг, крупный шаг навстречу сделан: **родился «дух Женевы».**

Достижения в области ядерного разоружения оказались самыми крупными событиями в последние годы XX столетия.

М.С.Горбачев. Наедине с собой.
Москва. «Грин-стрит». 2012. С.456-465